

Н. Н. Щербакова
Омск, Россия

СПЕЦИФИКА ОРГАНИЗАЦИИ НАРОДНОЙ ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ

Аннотация. На примере диалектных названий болезней и песенных жанров в статье рассматриваются особенности организации диалектной терминологической системы в сравнении с научной терминологической системой.

Ключевые слова: термин, диалект, терминологическая система.

N. N. Shcherbakova
Omsk, Russia

PECULIARITIES OF DIALECT TERMINOLOGICAL SYSTEM

Abstract. Dialectical features of terminological systems are considered by the example of dialectical names of diseases and song genres and are compared with the scientific terminology system.

Keywords: term, dialect, terminological system.

Известно, что терминологическая система русского литературного языка в ходе исторической эволюции постоянно обогащалась за счет привлечения слов из других подсистем национального языка, в частности, из говоров. Происходит это потому, что и общенародные, и специальные слова являются составной частью единой лексической системы русского языка. Г. О. Винокур очень точно определил внутренние причины этого процесса: «В роли термина может выступать всякое слово..., термин – это не особое слово, а только слово в особой функции, функции наименования специального понятия, предмета или явления» [Винокур 1939: 5]. Территориальные диалекты – это одна из наиболее богатых подсистем языка. Разумеется, в эпоху существования единого национального литературного языка значительную часть своих прежних функций современный говор утратил, но анализ диалектной лексики показывает, что она до сих пор способна обслуживать различные сферы жизнедеятельности человека. Эта способность проявляется, например, в существовании многообразных тематических групп, среди которых выделяются объединения, тяготеющие к терминологии, т. е. своеобразные прототермины, которые являются базой для создания собственно русской терминологии для таких отраслей научного знания, как биология (названия растений и животных), география (названия природных и ландшафтных явлений), медицина (названия болезней) и т.д. В качестве терминов фольклористики, этнографии, этнологии также функционирует немало некогда диалектных слов, прошедших отбор в условиях научного стиля русского литературного языка.

В свою очередь, лексическая система любого современного диалекта пополняется за счёт заимствований из литературного языка. Отметим при этом, что говор заимствует постоянно, что же касается заимствования из говора в литературный язык, то это явление было активно в донациональный период истории русского языка (XI–XVII вв.) и в эпоху становления языка науки (XVII–XIX вв.). В связи

с этим возникает предположение о том, что терминосистемы говоров должны серьёзно измениться под влиянием литературного языка, сблизившись с ним. Однако анализ тематических групп диалектной лексики показывает, что её внутренняя организация сохраняет специфику в сравнении с литературным языком. Это в полной мере относится к таким группам слов, как названия болезней и наименований песенных жанров, собранных в процессе исследования русских старожильческих говорах Среднего Прииртышья (Омская область). Материалом для исследования послужил «Словарь русских старожильческих говоров Среднего Прииртышья», сборник текстов обрядового фольклора Омской области, а также данные диалектологического архива Омского государственного педагогического университета.

Одной из подобных тематических групп являются наименования болезней. Поскольку болезни, сопровождавшие человека, осложняли его жизнь и даже могли привести к гибели, важность лечения заболеваний осознавалась всегда. Не случайно, что среди заговоров наиболее распространены лечебные [Москвина 2005]. Диагностика, профилактика, лечение заболеваний потребовали разработки системы специальных слов, анализ которых показывает, что в подавляющем большинстве случаев они связаны с болезнями человека (более 99 %). Заболевания животных обозначены единичными словами: *мокрица* – «болезнь копыт у животного», *мокнуть* – «болеть лишаем». Обращает на себя внимание и то, что особые слова связаны с болезнями крупного и мелкого рогатого скота, а вот что касается заболеваний домашней птицы, то для них в говорах нет специальных слов, что, по-видимому, определяет степень значимости названных групп домашних животных в жизни человека.

Среди слов, которые носители говоров используют в качестве названий болезней и их симптомов, немало исконно русских общенародных слов типа *боль, болезнь, болеть, больной, кашель, давление* и т.д. Однако наиболее многочисленной является группа иноязычных слов, которые проникли в гово-

ры через посредство литературного языка и пережили различные процессы фонетической и грамматической адаптации: *масис* или *масиф* – «мастит», *менгит* или *амингит* – «менингит», *инфарт* – «инфаркт», *ревматизма*, *рематизм*, *рематизма* – «ревматизм». Иногда адаптация иноязычного слова связана с механизмом фоно-семантического сближения, характерного для народной этимологии, как, например, в случаях *гриб*, *грып* – «грипп». В говорах немало заимствованных слов, связанных с обследованием больного, его лечением, наименованием врача и лекарственного средства: *организма* – «организм», *лекарства* (ж.р.) – «лекарство», *медицин* – «врач», *нервопатограф* – «невропатолог», *кушерка* – «акушерка», *инвалидность* – «инвалидность», *рентген* – «рентген», *рецеп* – «рецепт», *сантарка* – «санитарка». К этой же группе примыкает ряд слов, созданных на базе заимствований при помощи средств русского словообразования: *докторца* – «женщина-врач», *медичка* – «1) медсестра; 2) женщина-врач», *корюха* – «корь» и т.д. Интересно, что освоение слова из системы литературного языка иногда проходит только на уровне семантики. Например, в говоре деревни Бутаково Знаменского района зафиксировано употребление существительного *медсестра* в значении «знахарка» (возможно, окказиональное):

У нас, к примеру, в Мамшиевой женищина, она медсестра в третьем поколении: она заговаривает, когда укусит змея.

Системная организация исследуемой группы связана со следующими особенностями.

1. Ярко выраженная глагольность группы, что, очевидно, связано с восприятием болезни как процесса. Более 80 % проанализированных слов – это либо глаголы, либо отглагольные существительные, которые могут быть организованы в словообразовательные цепочки, например, глагол *озевать* – «сглазить» стал базой для создания таких существительных со значением «сглаз», как *озев* и *озеванье*; глагол *озепать* с тем же значением является базой для создания существительных *озеп* и *озепа*. Интересно, что в тех случаях, когда название болезни образовано на базе имени, носители говора предпочитают употреблять его в контекстуальном окружении, предполагающем глагол: *Щас рачок ведь бьёт. Раньше он редкость был, а теперь через одного бьёт* (Колосовский район, Бражниково).

2. Синкретизм номинаций: обычно название болезни одновременно сообщает и о причине недуга: *надсад* – «надсада», *простуд* – «простуда», *настыть* – «простудиться», *ознобить* – «простудить», см. также *ислуг*, *сглаз*, *порча*, *вывих* и т.д. В качестве причины заболевания чаще всего выступает сглаз или непосильный труд: *изурчить* – «сглазить, навредить дурным глазом», *делат всячины* – «вредить здоровью при помощи ворожбы», *выработанный*, *изробленный* – «о человеке: потерявший силу в работе», *насаждённый* – «надавившийся в тяжёлой работе».

3. Представление о болезни увязывается в языковом сознании диалектоносителей с поломкой, а лечение – с исправлением поломки, так возникают

метафорические образования вроде *нарушенный* – «повреждённый» и ладить – «лечить».

4. В говорах нет противопоставления пациент – врач, поскольку нет слова, называющего больного вообще. Для носителей говора больной – это всегда какой-то конкретный человек, а тот, кто лечит, противопоставляется болезни.

Обратимся к другой народной терминологической системе – обозначениям песенных жанров. Эта группа слов немногочисленна. Среди них выделяется две подгруппы: номинации, совпадающие с научной терминологией (*колядка*, *подблюдная песня*, *купальская песня*, *свадебная песня*, *хороводная песня*, *колыбельная песня* и т.д.) и диалектные термины (*щедровка*, *ворожебная песня*, *уводная песня*, *круговая* и т.д.). Значительная часть подобных слов представляет собой результаты лексико-фонетического или лексико-словообразовательного варьирования. Так, например, общенародное слово *свадебная* в составе расчлененного наименования *свадебная песня* обнаруживает следующие варианты: *свадебельная*, *свадьбенная*, *свадьбишина*, *свадѣбная*.

Номинация жанра осуществляется чаще всего в связи с праздником, обрядом, видом досуга, с которым связано исполнение песни, отсюда и названия типа *купальские песни*, *вечериночные песни*, *застольные песни*.

Кроме того, название жанра может быть связано с действием, которое песня сопровождает: *песни эти поют под новый год*, *ворожат*, *ворожебные они*.

К этой же группе примыкают расчленённые наименования, описывающее обстоятельства исполнения песни. Например, в современных русских говорах Омской области не обнаруживается такого названия жанра, как *жнивные песни*. Их упоминают исключительно через описание действия, которое они сопровождают: *как рожь жали, так и пели; под дожинки пели*.

Аналогично обозначаются песни, исполнявшиеся на разных этапах сватовства, подготовки к свадьбе и во время свадьбы: *поют, когда ведут невесту в баню; перед тем как жениху приехать; поют на девичнике; поют, когда жених приезжает на девичник; поют, когда ждут жениха перед венцом; пели, когда невесту провожали в дом жениха после венчания; когда от венца привезут невесту, одевают ей платок и поют; пелась в конце свадебного стола* и т.д.

Свадебные песни, кроме того, часто характеризуются через упоминание адресата: *поют молодым; холостому гостю; дружке*.

В некоторых случаях номинация учитывает сразу и время исполнения, и адресата:

Поют невесте и жениху за столом до венца;

Поют невесте, если та не плачет, когда её ведут из-за стола.

Содержание подобных пояснений явно направлено на создание своего рода классификации свадебных песен в соответствии с этапами обряда.

Среди народных наименований песенных жанров отмечаются также случаи номинации по музыкальным (темп исполнения) и танцевальным особенностям:

плясовая; хороводная; круговая; хороводная, протяжная; умеренная; под жниво, *протяжная*. Отмечено также слово, характеризующее объем песни: *Можете и вы что-нибудь спеть, каку-нибудь коротяночку* [т.е. частушку], *повеселее*.

Словообразовательные особенности диалектных и общенародных названий песенных жанров обнаруживают некоторые черты сходства. Односоставные наименования образуются от основ глаголов (реже – прилагательного) при помощи суффикса -к-: *колядовать – колядка, обжинать – обжинки, щедровать – щедровка*. Морфонологические процессы, сопровождающие процесс деривации, типичны для русского словообразования: усечение производящей основы (см. *щедровка*), удлинение суффиксального морфа (см. *коротяночка*). По поводу последнего примера следует сказать, что в данном случае, скорее всего, наблюдается пример чересступенчатого словообразования: короткий → *коротяный → *коротянка → коротяночка. Отмеченные знаком * слова в диалектных словарях не зафиксированы, в связи с этим в слове *коротяночка* можно выделить удлиненный морф -яночк-, а кроме того, словообразовательный процесс сопровождается усечением производящей основы.

Подавляющее большинство наименований песенных жанров – это двусоставные наименования. При этом они демонстрируют несовпадение грамматического и семантического центра: их грамматическим ядром является имя существительное (*песня*), которое не дифференцирует жанры, эту задачу выполняет зависимый член словосочетания – прилагательное. В материалах фольклорного и диалектологического архивов обнаружено большое количество контекстов, в которых слово *песня* опускается, т.е. жанры именуются только по первому слову: *хороводная, круговая, колыбельная, плясовая, вечерошная, протяжная* и т.п. Субстантивация, которая здесь отмечается, очевидно, обусловлена указанными выше семантическими особенностями составного терминологического наименования.

Исследование становления, развития и функционирования терминологических систем позволило сформулировать целый ряд требований к термину. Одно из этих требований – моносемантность, т.е. «в каждой отдельной области применения каждый термин должен обозначать одно понятие и, наоборот, каждое понятие должно иметь для своего обозначения один термин» [Даниленко 1977: 68]. Это положение полностью выдерживается в материале, связанном с названиями песенных жанров. Ни одно из приведенных наименований не используется для обозначения двух явлений. Что же касается номинации болезней, то указанное требование выдерживается в подавляющем большинстве случаев. Как правило, слово, называющее заболевание, моносемантно. Однако в говорах существует традиция, хорошо известная также и городскому просторечию, – называть болезни по органу или части тела, это проявляется в контекстах, сообщающих о средствах лечения:

*Девятильник от печени хорошо помогает;
А это от головы у меня таблетка.*

Созданные путём метонимического переноса наименования, эти единицы в лексической системе говора многозначны, но в контексте они всегда имеют чётко очерченное значение, чему содействует не только семантическое окружение, но и такая грамматическая особенность, как обязательное употребление предлога *от*.

Ещё одно важное требование к термину – точность обозначения понятия, отсутствие семантической диффузности, размытости семантических границ слова. Известно, что диффузность – довольно частое явление в различных диалектных тематических группах. Однако в проанализированном материале контекстуальное окружение слова, его подача и восприятие носителем говора свидетельствует о чёткости, точности в обозначении понятия.

Ещё одно важное требование к термину – точность обозначения понятия, отсутствие семантической диффузности, размытости семантических границ слова. Отметим, что диффузность – довольно частое явление в различных диалектных тематических группах. Однако в проанализированном материале контекстуальное окружение слова, его подача и восприятие носителем говора свидетельствует о чёткости, точности в обозначении понятия.

Термин должен быть нейтральным в эмоционально-экспрессивном плане. Для наименований песенных жанров это требование выдерживается полностью. В подавляющем большинстве номинаций болезней это требование также соблюдено, а существующие эмоционально-экспрессивные слова типа *кислятина* – «болезненный человек», *испохабиться* – «тяжело заболеть от непосильной работы» употребляются, судя по записям диалектной речи, не столько в качестве народно-терминологической единицы, сколько в качестве оценочных слов в ситуациях, не связанных с обстановкой лечения:

Растут теперь таки кислятины они! Мало-мало – и уже остыл (Усть-Ишимский район, Паново).

К числу требований, предъявляемых к терминам, относят также удобство образования от них производных слов и отсутствие дублетов. Это требование тоже выполняется. Дублеты для говоров в целом – очень распространенное явление. Однако при анализе диалектного слова чрезвычайно важно учитывать ареал его распространения. И этот критерий показывает, что, несмотря на наличие словоформ типа *болеза, болезнь, болясть* и *вечериошина, вечерошная, вечериночная* и пр., о дублетах говорить не приходится, поскольку они обнаруживаются на разных территориях.

Таким образом, номинации болезней и названия песенных жанров в русских говорах Среднего Прииртышья обнаруживают многие черты внутренней организации, присущие терминологическим системам. Единственное условие, которое не позволяет считать эту систему в полной мере терминологической, – реализация терминологии в метаязыке науки. Именно этого (внешнего) условия в системе диалекта нет и быть не может. Однако все прочие (внутренние) признаки терминосистемы в говорах есть. И в связи с этим можно говорить о наличии в лексической системе диалектов народной терминосистемы.

ЛИТЕРАТУРА

Винокур Г. О. О некоторых явлениях словообразования в русской технической терминологии // Труды Московского института истории, философии и литературы. – М., 1939. – С. 3–39.

Даниленко В. П. Русская терминология. Опыт лингвистического описания. – М., 1977. – 246 с.

Москвина В. А. Русские заговоры в Западной Сибири (XIX – начало XXI вв.). Омск: ОмГПУ, 2005. – 469 с.

ИСТОЧНИКИ

Словарь русских старожильческих говоров Среднего Прииртышья / под ред. Г. А. Садретдиновой: в 3 т. – Томск, 1992–1993.

Словарь русских старожильческих говоров Среднего Прииртышья: Дополнения / отв. ред. Б. И. Осипов: в 2 т. – Омск: Омск. гос. ун-т, 1998, 2003.

Фольклор Западной Сибири / сост. Т. Г. Леонова. – Омск, 1974. – 98 с.

Данные об авторе:

Щербакова Наталья Николаевна – доктор филологических наук, профессор Омского государственного педагогического университета (Омск).

Адрес: 644099, г. Омск, наб. Тухачевского, 14.

E-mail: nata.ro@mail.ru

About the author:

Scherbakova Natalia Nikolaevna is a Doctor of Philology, Professor of Omsk State Pedagogical University (Omsk).